

Трансформация медицинской и вакцинной дипломатии в эпоху COVID-19

И.И. Арсентьева

Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук

Пандемия COVID-19 привела к формированию глобального рынка вакцин, где действуют различные участники, преследующие свои экономические интересы. В то же время вакцины от коронавируса используются отдельными государствами как средство реализации национальных интересов и расширения влияния на мировой арене. Автор статьи на основе анализа научной литературы и источников (данных Всемирной организации здравоохранения, Альянса по вакцинам ГАВИ, Всемирной торговой организации, Международного валютного фонда, правительственных документов, докладов аналитических центров и т.д.) выявляет изменения, происходящие в вакцинной дипломатии как части медицинской дипломатии под влиянием пандемии. В качестве кейса рассматривается дипломатия Китая, поскольку именно Китай на сегодняшний день достиг наиболее заметных успехов в экспорте медицинской помощи, прежде всего, в развивающиеся страны, а китайские фармацевтические компании играют весьма заметную роль на формирующемся глобальном рынке вакцин. Подобная политика вызывает серьезные опасения на Западе, обвиняющем Пекин в использовании коронакризиса для установления нового (китаецентричного) мирового порядка. Делается вывод о том, что способность государства защитить здоровье своих граждан и взять под контроль распространение эпидемий входит в число значимых критериев эффективности проводимой политики, а наличие собственной индустрии вакцин начинает расцениваться как важный элемент системы национальной безопасности. Также наблюдается существенное повышение роли здравоохранения во внешней политике ряда государств, использующих медицинскую и вакцинную дипломатию как средство достижения политических целей. В результате вакцины от коронавируса становятся стратегическим активом, влияющим на позиции страны на мировой арене и формирующим новое поле геополитической конкуренции. В то же время вакцинная дипломатия способна выступить основой для налаживания диалога в случаях, когда межгосударственные отношения находятся в глубоком кризисе. В перспективе это может привести к осознанию необходимости подготовки специалистов в сфере медицинской дипломатии.

Ключевые слова: пандемия COVID-19, медицинская дипломатия, глобальная медицинская дипломатия, вакцинная дипломатия, вакцинная дипломатия Китая, вакцины от коронавируса, рынок вакцин, гонка вакцин, геополитика вакцин, научная дипломатия

УДК: 327

Поступила в редакцию: 02.03.2022 г.

Принята к публикации: 19.09.2022 г.

Термин «медицинская дипломатия» возник в конце 1970-х гг., однако вошёл в активный научный и политический дискурс на рубеже XX–XXI вв. Пандемия COVID-19 многократно усилила интерес к этой области знания и практики. Также в сегодняшних условиях актуализируется понятие «вакцинная дипломатия» («дипломатия вакцин»), поскольку вакцины от коронавируса активно, как и сам вирус, циркулируют в новой социально-политической реальности, на наших глазах становясь её неотъемлемой частью. Так, например, они обозначены как геополитический маркер в экспертном докладе лаборатории анализа международных процессов МГИМО МИД России¹, а пресс-секретарь Белого дома Дж. Псаки в марте 2021 г. заявила об обеспокоенности США тем, что некоторые страны (Россия и Китай) пытаются использовать вакцины в дипломатических целях².

В этой связи целью настоящей статьи является анализ изменений, которые происходят в вакцинной дипломатии как части медицинской дипломатии под воздействием пандемии COVID-19. Для достижения данной цели в ходе исследования планируется последовательно решить ряд уточняющих задач: провести обзор научной литературы и источников по теме; разработать концептуальную рамку исследования; охарактеризовать проявления медицинской и вакцинной дипломатии на современном этапе; определить текущее и потенциальное влияние формирующегося рынка вакцин на развитие государств и мира в целом; представить авторское видение исследовательского вопроса и спрогнозировать возможные пути дальнейшего развития ситуации.

Бэкграунд исследования

Прежде чем перейти к непосредственному анализу вакцинной дипломатии, определимся с научной разработанностью темы. Вышедшие к настоящему времени публикации в целях систематизации материала могут быть разделены на две большие группы.

В первую группу представляется логичным отнести работы по медицинской дипломатии (*medical diplomacy*), или дипломатии в области общественного здравоохранения (*public health diplomacy*), вышедшие до марта 2020 г., т.е. до того момента, когда Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) объявила о начале пандемии COVID-19. Анализ научной литературы (преимущественно англоязычной) позволяет говорить о том, что данное понятие, которое в максимально общем виде можно условно обозначить как экспорт медицинской

¹ Международные угрозы 2021: Геополитика после пандемии. МГИМО Университет МИД России. URL: <https://mgimo.ru/library/publications/int-threats-2021/> (дата обращения: 5.10.2022).

² Press Briefing by Press Secretary Jen Psaki. *The White House*. 05.03.2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jHJkPQqlfAE> (accessed 5.10.2022).

помощи, находится на пересечении сфер общественного здравоохранения и внешней политики. Специальный помощник президента США Дж. Картера по вопросам здравоохранения П. Борн³ писал, что медицинская дипломатия может стать фундаментом для налаживания диалога между нациями, преодоления дипломатических барьеров, установления каналов связи в тех случаях, когда межгосударственные отношения напряжены или разорваны (Bourne 1978: 121). К. Ли и Р. Смит, учёные Лондонской школы гигиены и тропической медицины, в своём обзоре концептов приводят в качестве примера следующее определение: это выбранный способ взаимодействия заинтересованных сторон, занимающихся вопросами общественного здравоохранения и политики, в целях представительства, развития сотрудничества, разрешения споров, улучшения систем здравоохранения и т.д. (Lee, Smith 2011). Некоторые авторы рассматривают медицинскую дипломатию как разновидность «мягкой» (Hosseini Divkolaye et al. 2016) или «умной» (Kevany 2014) силы государства. Так, американский учёный Э. Фаучи, директор Национального института аллергии и инфекционных заболеваний, пишет, что это «завоевание сердец и умов людей в бедных странах посредством экспорта медицинской помощи, знаний и персонала для помощи тем, кто в ней больше всего нуждается» (Fauci 2007: 1169).

Во многих научных трудах разрабатывается концепт «глобальная медицинская дипломатия», или «дипломатия в области глобального здравоохранения» (global health diplomacy), также вошедший в научный и политический дискурс в 1990–2000-е гг.⁴, а в настоящее время практически вытеснивший по своей частности термин «медицинская дипломатия». Единого определения глобальной медицинской дипломатии не выработано, что во многом объясняется её междисциплинарным характером: она объединяет «дисциплины общественного здравоохранения, международных отношений, управления, права, экономики и фокусируется на переговорах, которые формируют и управляют глобальной политической средой в области здравоохранения» (Voveja 2019: 3). Значение термина охватывает «многоуровневые и многосторонние переговорные процессы, которые формируют и управляют глобальной политической средой в области здравоохранения...» (Kickbusch et al. 2021: 39). Другими словами, речь идёт о проблемах, которые выходят за национальные границы и требуют выработки глобальных соглашений, единых подходов, инструментов и т.д.

Как отмечают исследователи, основы глобальной медицинской дипломатии начали формироваться во второй половине XIX – первой половине XX вв. Среди ключевых событий: проведение в 1851–1938 гг. серии международных сани-

³ Именно П. Борн считается автором термина «медицинская дипломатия».

⁴ Сам термин появился раньше, однако намного чаще использовалось понятие «международное здравоохранение» (international health). Пришедшее ему на смену «глобальное здравоохранение» (global health) отражает специфику глобализирующегося мира.

тарных конференций для выработки коллективных мер борьбы с эпидемиями (холеры, жёлтой лихорадки, чумы, натуральной оспы, тифа, гриппа); разработка начиная с 1892 г. международных конвенций в области здравоохранения; создание Международного Комитета Красного Креста (1863), Международного бюро общественной гигиены (1907), Организации здравоохранения Лиги Наций (1923); проведение в 1946 г. нью-йоркской Международной конференции здравоохранения, где был принят Устав ВОЗ, вступивший в силу 7 апреля 1948 г. и ознаменовавший создание специализированной структуры.

Однако современное понимание глобальной медицинской дипломатии начало формироваться на рубеже XX–XXI вв., когда интенсифицировались процессы глобализации и взаимосвязь здравоохранения с мировой политикой и международными отношениями стала особенно заметной. В некоторых странах созданы специальные подразделения, ответственные за подобного рода вопросы. Так, в США этим занимается Ведомство глобальных дел (Office of Global Affairs) Министерства здравоохранения и социальных служб. На его сайте размещена информация, что главная задача – поддерживать отношения с международными организациями, правительствами и министерствами здравоохранения иностранных государств и представлять Соединённые Штаты в ключевых дискуссиях и переговорах по защите и укреплению здоровья во всем мире. Там же отмечается, что посредством глобальной дипломатии создаётся возможность внедрять американский опыт по всему миру, продвигать собственные научные и практические исследования, вносить вклад в глобальную политику⁵.

До марта 2020 г. было опубликовано достаточно большое количество работ по медицинской дипломатии и глобальной медицинской дипломатии (Adams et al. 2008; Feldbaum et al. 2010; Feldbaum, Michaud 2010; Katz et al. 2011; Kickbusch 2011; Fairman et al. 2012; Fidler 2013; Kickbusch et al. 2013; Ruckert et al. 2016; Brown et al. 2018; Khazatzadeh-Mahani et al. 2018; Almeida 2020). В сингапурском издательстве World Scientific Publishing на протяжении 10 лет выходит серия *Global Health Diplomacy*: коллективом учёных из Австралии, Великобритании, Китая, США, Швейцарии и других стран уже подготовлено пять томов данного издания (Low-Beer 2011; Roskam, Kickbusch 2011; Novotny et al. 2013; Emmerling et al. 2016; Matlin, Kickbusch 2017). Если говорить об отдельных авторах, то наиболее часто встречается имя немецкой исследовательницы, профессора Женевского института международных отношений и развития И. Кикбуш (Ilona Kickbusch), чей вклад в развитие идей глобального здравоохранения признан во всём мире.

Также работы по данной тематике выпускает издательство Оксфордского университета. Среди них выделим такие проекты, как Oxford Research

⁵ Global Health Diplomacy. U.S. Department of Health and Human Services. Office of Global Affairs (OGA). URL: <https://www.hhs.gov/about/agencies/oga/global-health-diplomacy/index.html> (accessed 5.10.2022).

Encyclopedia of Global Public Health⁶ и Oxford Handbook of Global Health Politics (McInnes et al. 2020). В разных странах выходят специализированные научные журналы: *Global Public Health*, *Globalization and Health*, *Global Health Governance* и др. Кроме того, статьи по тем или иным аспектам рассматриваемой нами проблемы публикуются в *Lancet*, одном из наиболее авторитетных журналов по медицине.

Достаточно часто анализ медицинской дипломатии основывается на опыте конкретных стран. При этом наибольшее количество публикаций посвящено Кубе (Feinsilver 1993, 2010; Kirk 2009; Blue 2010), которая считается одним из признанных лидеров в данном направлении. Для реализации задач по обеспечению медицинской солидарности в мире решением кубинского правительства в 2005 г. создан Международный контингент врачей им. Генри Рива, специализирующихся на стихийных бедствиях и эпидемиях. Также есть работы по медицинской дипломатии США (Marrogi, al-Dulaimi 2014), КНР (Youde 2010; Killeen et al. 2018), Тайваня (Chang 2010; Herington, Lee 2014), Сингапура (Koh 2016) и др.

При этом непосредственно вакцинальной дипломатии в доковидную эпоху посвящены лишь отдельные публикации. Их большая часть принадлежит автору данного концепта – американскому ученому П.Дж. Хотесу, декану Национальной школы тропической медицины и содиректору Техасского детского центра разработки вакцин Медицинского колледжа Бейлора, спецпосланнику президента США Б. Обамы по вакцинальной дипломатии. В своих работах (Hotez 2001, 2006, 2014, 2017) он исследует не только современное состояние вопроса, но и историю начиная с конца XVIII столетия, когда была изобретена вакцина против оспы. Ослопрививание быстро вошло в практику европейских стран, а затем распространилось по всему миру. Разработчик вакцины, британский врач Э. Дженнер, почитаемый как в Англии, так и во Франции, нередко выступал посредником в обмене пленными между двумя странами, которые в те времена вели бесконечные войны. В 1800–1805 гг. Э. Дженнер вёл широкую международную переписку, консультируя разные страны, как готовить и вводить вакцину. В качестве примера вакцинальной дипломатии П. Хотес приводит также практику ВОЗ и ЮНИСЕФ по установлению так называемых «дней спокойствия» (*days of tranquility*) для прекращения огня в зонах вооружённых конфликтов в Африке и Азии, чтобы провести кампании по вакцинации местного населения.

Во вторую группу нами отнесены работы по медицинской дипломатии в эпоху коронавируса SARS-CoV-2 (Fazal 2020; Fischer 2021; Taghizade et al. 2021; Yee 2021). Особо отметим «Руководство по дипломатии в области глобального

⁶ Oxford Research Encyclopedia of Global Public Health. *Oxford Research Encyclopedias*. URL: <https://oxfordre.com/publichealth> (accessed 5.10.2022).

здравоохранения» (Kickbusch et al. 2021), подготовленное учёными Центра глобального здравоохранения Женевского института международных отношений и развития при участии представителей целого ряда международных организаций: ВОЗ, ООН, Международной федерации Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца, Альянса по вакцинам и др. В работе подчёркивается, что в настоящее время глобальное здравоохранение является неотъемлемой частью внешнеполитических программ многих стран, особенно в том, что касается экономического и социального развития, безопасности, гуманитарных вопросов, социальной справедливости и прав человека, а также управления глобальными кризисами.

В условиях пандемии наиболее ощутимых успехов в экспорте медицинской помощи достиг Китай, медицинскую дипломатию которого часто именуют «масочной дипломатией» (mask diplomacy). Поэтому его политика в данной сфере становится объектом возрастающего интереса и критического анализа исследователей (Gauttam et al. 2020; Verma 2020; Fraile del Álamo, Lim 2021; Kobierecka, Kobierecki 2021; Kowalski 2021; Rudolf 2021; Telias, Urdinez 2021; Urdinez 2021).

В ряде публикаций уделяется внимание вакцинальной дипломатии, а также смежным вопросам, таким как механизмы обеспечения доступа к вакцинам, формирующийся рынок вакцин, его влияние на социально-экономические позиции государств, гонка вакцин, геополитика вакцин и т.д. (Moon 2020; Halabi, Santos Rutschman 2021; Hotez 2021; Hotez, Narayan 2021; Lee 2021; Sharun, Dhama 2021; Manfredi-Sánchez 2022).

Проведённый обзор научной литературы позволяет говорить о том, что работы по медицинской дипломатии в целом и вакцинальной дипломатии в частности в англоязычном научном сегменте выходят достаточно активно. В том числе есть работы, в которых критически анализируется вакцинальная дипломатия России (Kazharski, Makarychev 2021). Однако отечественные исследователи обращаются к данной теме редко. Так, в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ) на февраль 2022 г. проиндексированы всего четыре работы, в названии которых встречается понятие «медицинская дипломатия» (Михайлов 2017; Борейко 2020; Демидов 2021; Журавлёва 2021), при этом две статьи посвящены Кубе. Также есть несколько публикаций, где данное понятие присутствует в ключевых словах, однако играет второстепенную роль. Вместе с тем следует отметить, что в течение 2021 г. в российских журналах и сборниках вышло несколько работ по вакцинальной дипломатии молодых исследователей, преимущественно аспирантов, что в будущем должно результативаться в фундаментальных научных исследованиях по данной теме. Уже сейчас можно утверждать, что число подобных работ будет расти, однако пока их недостаточно, что особенно заметно на фоне того, что вакцинальная дипломатия становится значимым направлением российской внешнеполитической практики, порождая необходимость научной рефлексии.

Таким образом, актуальность темы, с одной стороны, и незначительное количество отечественных научных работ, с другой, определяют научно-теоретическую и практическую значимость настоящего исследования.

Источниковую базу исследования составили материалы ВОЗ – Устав организации, определивший здоровье как право человека; аналитические доклады; заявления генерального директора; сведения с официального сайта организации о текущей эпидемиологической ситуации, вакцинах против COVID-19, темпах вакцинации и т.д. Также использовались данные совместного проекта ВТО и МВФ по отслеживанию показателей глобальной торговли вакцинами от коронавируса (WTO-IMF COVID-19 Vaccine Trade Tracker), Альянса по вакцинам ГАВИ (GAVI), Коалиции по инновациям в обеспечении готовности к эпидемиям (CEPI), Министерства здравоохранения и социальных служб США (HHS), Российского фонда прямых инвестиций (РФПИ); заявления и выступления официальных должностных лиц; данные профильных министерств и ведомств КНР; доклады аналитических центров; опросы экспертов; публикации в средствах массовой информации и пр.

Концептуальная рамка исследования

Настоящее исследование построено на междисциплинарном подходе, поскольку глобальная медицинская дипломатия, медицинская дипломатия и вакцинная дипломатия – новые области знания и практики, проблемное поле которых находится на стыке общественного здравоохранения, политики, экономики, управления, международного права и т.д. Также широко применялся анализ метаданных международной базы Crossref, что позволило констатировать существенно возросший за последние два года исследовательский интерес к вакцинной дипломатии в целом, а также к медицинской и вакцинной дипломатии Китая. При работе с научной литературой и источниками использовались сравнительный и критический анализ. Применялся метод case study: в качестве кейса для анализа выступила вакцинная дипломатия КНР.

Поскольку основной целью настоящей статьи является анализ вакцинной дипломатии в контексте пандемии COVID-19, мы не будем подробно останавливаться на медицинской дипломатии, а лишь выделим ряд положений, имеющих важное значение для формирования концептуальной рамки исследования.

Начнём с того, что понятия «медицинская дипломатия» и «глобальная медицинская дипломатия» тесно связаны, поэтому во многих работах, особенно последних лет, происходит смешение данных понятий и даже вытеснение первого вторым. По нашему мнению, данные концепты при всей схожести всё же не синонимичны. Для обоснования этого тезиса приведём несколько определений.

Медицинская дипломатия – это:

– выбранный способ взаимодействия заинтересованных сторон, занимающихся вопросами общественного здравоохранения и политики, в целях пред-

ставительства, сотрудничества, разрешения споров, улучшения систем здравоохранения и обеспечения уязвимым группам населения права на здоровье (Lee, Smith 2011: 1);

– международная помощь или сотрудничество, направленные на укрепление здоровья или использующие программы в области здравоохранения для продвижения внешнеполитических целей, не связанных со здоровьем (Fazal 2020: 78);

– средство самосохранения государства во всё более взаимосвязанном глобальном сообществе, обеспечивающее рост его «мягкой силы» и возможность наведения мостов между правительствами разных стран, бизнес-сектором, неправительственными организациями, объединяющее их усилия в совместной работе над улучшением общественного здравоохранения⁷.

Глобальная медицинская дипломатия – это:

– развивающаяся область, которая решает две задачи: улучшение глобального здравоохранения и улучшение международных отношений, особенно в зонах конфликтов и в условиях нехватки ресурсов (Adams et al. 2008: 316);

– переговоры по вопросам здоровья населения, для эффективного решения которых требуются коллективные действия во всём мире (Lee, Smith 2011: 9);

– многоуровневые и многосторонние переговорные процессы, которые формируют и управляют глобальной политической средой в области здравоохранения (Kickbusch et al. 2021: 39).

Одно из наиболее ёмких определений глобальной медицинской дипломатии дали, на наш взгляд, учёные Университета Джорджа Вашингтона (Katz et al. 2011: 505-506), которые отмечают следующее: несмотря на то, что данный термин вошёл в мейнстрим, он имеет множество различных трактовок. Как правило, их можно разделить на три категории: 1) основная дипломатия (*core diplomacy*), т.е. дипломатия в классическом понимании – официальные переговоры между странами; 2) дипломатия с участием многих заинтересованных сторон (*multistakeholder diplomacy*), не только государств, но и других акторов, что не всегда имеет своей целью заключение обязательных к исполнению соглашений; 3) неформальная дипломатия (*informal diplomacy*) – взаимодействие между международными акторами общественного здравоохранения и их коллегами в этой области, включая должностных лиц страны-организатора переговоров, неправительственные организации, компании частного сектора, общественность.

Исходя из приведённых определений, можно заключить, что понятие «глобальная медицинская дипломатия» включает в себя многосторонние договоры,

⁷ Blumenthal S., Schlissel E. 2007. Health Diplomacy: A Prescription for Peace. *Huffington Post*. 19.11.2007. URL: https://www.huffpost.com/entry/health-diplomacy-a-prescr_b_73267 (accessed 5.10.2022).

соглашения, международные форумы в области здравоохранения и т.д., отсылая тем самым к многостороннему сотрудничеству в области здравоохранения и, что самое важное, глобальному управлению здравоохранением. В этом как раз и заключается одна из ключевых проблем: само понятие «глобальное управление», как известно, крайне спорно, тем более в эпоху COVID-19 (Лебедева, Кузнецов 2021). При этом определение круга акторов, принимающих участие в выработке решений, – один из наиболее актуальных и сложных вопросов. В написанном генеральным директором ВОЗ Т. Гебреисусом предисловии к упоминаемому выше «Руководству по дипломатии в области глобального здравоохранения» отмечается, что глобальное управление здравоохранением подразумевает главным образом деятельность учреждений с чётким мандатом здравоохранения: прежде всего, это ВОЗ, а также несколько организаций с более узкими мандатами – Объединённая программа ООН по ВИЧ/СПИД (ЮНЭЙДС), Глобальный фонд для борьбы со СПИДом, туберкулёзом и малярией, Альянс по вакцинам ГАВИ.

Однако в условиях пандемии более релевантным, на наш взгляд, выступит понятие «медицинская дипломатия». Сегодняшняя политическая практика свидетельствует, что многие государства, прибегающие к использованию медицинской дипломатии, предпочитают действовать на двустороннем уровне, минуя уровень глобальных механизмов или участвуя в них формально. Поэтому в рамках настоящего исследования мы будем исходить из того, что термин «медицинская дипломатия» относится к внешней политике государства и подразумевает экспорт медицинских услуг и товаров, направление медицинского персонала, обмен опытом в области борьбы с инфекционными заболеваниями, проведение совместных исследований и т.д. Другими словами, это трансляция посредством экспорта медицинской помощи успехов национальной системы общественного здравоохранения, технологических, научных, биомедицинских и прочих возможностей страны при взаимодействии с другими акторами международных отношений.

Чтобы определиться с понятием «вакцинная дипломатия», обратимся к работам автора термина – американского ученого и политика П. Хотеса (Hotez 2001, 2006, 2014, 2017, 2021; Hotez, Narayan 2021). Фактически он разрабатывает два концепта – «вакцинная дипломатия» и «научная вакцинная дипломатия» (*vaccine science diplomacy*). Последняя трактуется им как гибрид медицинской и научной дипломатии, прежде всего, совместные разработки жизненно важных вакцин и связанных с ними технологий. Особый интерес, отмечает П. Хотес, представляют учёные стран, сохраняющих идеологические противоречия или открыто враждующих между собой. В качестве примера он приводит совместные исследования, которые осуществлялись в конце 1950-х гг. группой американских и советских учёных под руководством А. Сейбина, что привело к созданию пероральной вакцины против полиомиелита. Американский учёный (родившийся, кстати, в Гродненской губернии Российской империи) пере-

дал вакцинные штаммы ВОЗ, благодаря чему даже бедные страны смогли выпускать вакцину. Впоследствии А. Сейбин занимался не только наукой, но и миротворческой деятельностью, участвуя в переговорах по урегулированию арабо-израильского конфликта, а также неоднократно призывал США и СССР забывать о вражде, чтобы сообща бороться с реальными врагами – болезнями, бедностью, отчаянием. Что касается вакцинной дипломатии, то, по мнению П. Хотеса, сегодня она представляет собой отрасль глобальной медицинской дипломатии, которая основывается на использовании или доставке вакцин и охватывает деятельность Альянса по вакцинам ГАВИ, а также элементы работы ВОЗ и других важных международных организаций. Однако попробуем разобраться, что происходит в современных реалиях.

В апреле 2020 г. при участии ВОЗ, Альянса по вакцинам ГАВИ и Коалиции по инновациям в обеспечении готовности к эпидемиям было объявлено о создании всемирной инициативы COVID-19 Vaccines Global Access (COVAX). Данная структура, являясь частью Ускорителя доступа к средствам для борьбы с COVID-19 (The Access to COVID-19 Tools Accelerator), нацелена на обеспечение вакцинами людей во всех уголках планеты, независимо от их дохода⁸. Также COVAX стремится выступать «посредником в продаже вакцин, заключая соглашения с производителями вакцин и странами, в том числе теми, у кого нет ресурсов для производства вакцин» (Торкунов и др. 2021: 222). Однако попытки продвижения COVAX пока не увенчались существенным успехом. Так, на первом этапе до конца 2021 г. планировалось распределить 2 млрд доз вакцин для защиты людей с высоким риском заражения, уязвимых групп населения, медицинских работников. На февраль 2022 г., согласно данным ГАВИ, общий объем поставок достиг 1,1 млрд доз, из них почти 50% составили так называемые «донорские дозы», т.е. не закупки, а пожертвования⁹. Очевидно, что многие государства, заключая контракты на поставки вакцин, предпочитают действовать самостоятельно, минуя посредников. В этой связи в рамках настоящего исследования мы будем понимать под вакцинной дипломатией использование вакцин страной-разработчиком (страной-производителем) в целях реализации национальных интересов, укрепления связей с другими акторами международных отношений и расширения влияния на мировой арене.

В подготовленном экспертами МГИМО ежегодном аналитическом докладе «Международные угрозы»¹⁰ прогнозировалось, что в 2021 г. одной из ключевых

⁸ Более подробно см.: COVAX: Structure and Principles. *Coalition for Epidemic Preparedness Innovations (CEPI)*. URL: <https://cepi.net/covax/> (accessed 5.10.2022).

⁹ COVAX Crosses Milestone of 500 Million Donated Doses Shipped to 105 Countries. *Gavi, the Vaccine Alliance*. URL: <https://www.gavi.org/news/media-room/covax-crosses-milestone-500-million-donated-doses-shipped-105-countries> (accessed 5.10.2022).

¹⁰ Международные угрозы 2021: Геополитика после пандемии. *МГИМО Университет МИД России*. URL: <https://mgimo.ru/library/publications/int-threats-2021/> (дата обращения: 5.10.2022).

тенденций мирового развития станет статусная и экономическая конкуренция стран-производителей вакцин против COVID-19, которые в этой связи определяются как геополитический маркер. В новом докладе, вышедшем в январе 2022 г., отмечается, что данный прогноз оправдался: несмотря на остроту пандемии, международный рынок вакцин стал очередным фронтом соперничества¹¹.

В настоящее время в гражданском обороте находится около 20 вакцин, из которых 10 одобрены ВОЗ для экстренного использования (что является обязательным условием для попадания в список распространяемых и закупаемых через программу COVAX препаратов). Показательно, что первые в мире вакцины – «Спутник V» и «ЭпиВакКорона» – были зарегистрированы в России, что произошло в августе и октябре 2020 г. соответственно. Однако они до сих пор не рекомендованы ВОЗ для экстренного использования. В настоящее время Россия имеет низкие показатели и производства, и экспорта вакцин. Согласно данным совместного проекта ВТО и МВФ по отслеживанию показателей глобальной торговли вакцинами от коронавируса (далее – трекер ВТО и МВФ)¹², доля России в мировом экспорте на 31 декабря 2021 г. составила 2,1%. Что касается США, то их показатель равняется 13%. Лидируют Евросоюз и Китай с показателями 38,1% и 35,9% соответственно¹³. Кроме того, КНР занимает лидирующие позиции по общим объемам производства – 43,5% от общемировых показателей. Для сравнения: доля ЕС – 23,3%, США – 9,7%, РФ – 2,2%. При этом в Китае, в отличие от ЕС и США, вакцины разработаны в рамках государственной программы, а значит, за правительством остаётся последнее слово, куда и в каком объеме распределяются экспортные поставки. Поэтому, на наш взгляд, китайский опыт является наиболее релевантным кейсом для анализа изменений, которые происходят в медицинской и вакцинной дипломатии в эпоху COVID-19.

Вакцинная дипломатия Китая

Китайская медицинская дипломатия не является порождением эпохи коронавируса. Начиная с 1960-х гг. КНР, руководствуясь идеологическими соображениями, оказывала посильную медицинскую помощь борющимся за независимость странам (преимущественно африканским). В XXI столетии подход Пекина существенно изменился: экспорт идеологии остался в прошлом, а экс-

¹¹ Международные угрозы 2022: Перехват инициативы. URL: [МГИМО Университет МИД России](https://mgimo.ru/about/news/main/prognoz-mezhdunarodnye-ugrozy-2022/). <https://mgimo.ru/about/news/main/prognoz-mezhdunarodnye-ugrozy-2022/> (дата обращения: 5.10.2022).

¹² WTO-IMF COVID-19 Vaccine Trade Tracker. *WTO-IMF Vaccine Trade Tracker*. 17.02.2022. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/covid19_e/vaccine_trade_tracker_e.htm (accessed 5.10.2022).

¹³ Необходимо учитывать, что в данном трекаре используется понятие «производящая экономика» (producing esopomy), которое определяется как страна (или территория), где производятся окончательные вакцины (завершается «заполнение и доводка»). Если производственные мощности расположены в странах назначения, то это относится к «внутренним поставкам».

порт медицинской помощи рассматривается с точки зрения укрепления «мягкой силы» и обеспечения экономических интересов. Однако пандемия COVID-19, первичным очагом которой стал китайский Ухань, выступила своего рода «точкой бифуркации», поворотным моментом, многократно усилившим позиции медицинской дипломатии во внешнеполитическом курсе.

В марте 2020 г., когда угроза пандемии только начинала осознаваться в мире, в Ухане закрыли последнюю из временных больниц для лечения пациентов с коронавирусом. Пекин объявил о стабилизации ситуации внутри страны и приступил к отправке медицинских товаров другим государствам. Это было особенно актуально на фоне усиления национального протекционизма в данной сфере: к середине апреля более 80 государств ввели запрет на экспорт медицинских масок и респираторов; во многих странах запрет распространялся также на средства дезинфекции, защитные костюмы, очки, перчатки и т.д.

В белой книге «Борьба с COVID-19: Китай в действии»¹⁴, опубликованной информационным бюро Госсовета КНР в июне 2020 г., приводились данные, что на 31 мая было отправлено 29 медицинских экспертных групп в 27 стран и предложена помощь 150 государствам и четырём международным организациям. Согласно отчёту Главного таможенного управления КНР, с марта по декабрь 2020 г. экспортировано 224,2 млрд защитных масок; 2,92 млрд пар хирургических перчаток; 1,08 млрд тест-систем; 773 млн медицинских защитных костюмов и 271 тыс. аппаратов искусственной вентиляции лёгких (ИВЛ)¹⁵. Эта кампания – поставки в разные страны средств индивидуальной защиты, медикаментов, вакцин, диагностического и лечебного оборудования, отправка бригад врачей и научно-исследовательских групп, проведение онлайн-консультаций и т.д. – часто именуется «масочной дипломатией» («дипломатией масок»), т.к. именно медицинские (хирургические) маски стали основным товаром¹⁶. Правительство называет её самой интенсивной и широкомасштабной чрезвычайной гуманитарной операцией с момента основания КНР в 1949 г.

В начале ноября 2021 г. Си Цзиньпин, выступая на церемонии открытия IV Китайской международной выставки импортных товаров, заявил, что КНР с начала пандемии предоставила мировому сообществу около 350 млрд защитных масок, свыше 4 млрд комплектов защитных костюмов, 6 млрд тестовых наборов,

¹⁴ Fighting COVID-19: China in Action (White Paper). *The State Council of the People's Republic of China*. 07.06.2020. URL: http://english.www.gov.cn/news/topnews/202006/07/content_WS55edc559ac6d066592a449030.html (accessed 5.10.2022).

¹⁵ China Exports over 224 Billion Masks to Assist Global COVID-19 Fight. *Xinhua*. 14.01.2021. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2021-01/14/c_139667681.htm (accessed 5.10.2022).

¹⁶ Следует отметить, что Китай обладает определёнными преимуществами для оказания столь масштабной помощи, являясь крупнейшим в мире производителем аппаратов ИВЛ и средств индивидуальной защиты. Так, в 2018 г. 44% мирового экспорта масок приходилось именно на Китай, за ним с большим отставанием следовали Германия (7%) и США (6%). См.: Export Data at Country Level. *UN Comtrade Database*. URL: <https://comtrade.un.org/data> (accessed 5.10.2022).

1,6 млрд доз вакцин¹⁷. Остановимся более подробно на последних. Сегодня в КНР производят четыре препарата – Sinopharm, Sinovac (CoronaVac), Convidecia и Zifivax. Мы будем говорить о первых двух, поскольку именно они одобрены ВОЗ для экстренного использования, что произошло в мае и июне 2021 г. соответственно. В июле Альянс по вакцинам ГАВИ сообщил о подписании соглашений с китайскими компаниями о предварительных закупках вакцин по программе COVAX¹⁸. Также обе китайские вакцины входят в тройку мировых лидеров по объёмам производства: согласно данным трекера ВТО и МВФ, на 31 декабря 2021 г. Sinovac занимает второе место (произведено около 2,59 млрд доз), Sinopharm – третье (2,35 млрд доз). Их несколько опережает европейская AstraZeneca (2,71 млрд доз), однако в целом Китай уверенно лидирует.

Таким образом, на формирующемся глобальном рынке вакцин китайские фармацевтические компании играют весьма заметную роль. Одобрение со стороны ВОЗ и вхождение в программу COVAX также на руку китайским производителям: это сигнализирует мировому сообществу и потенциальным покупателям, что китайские вакцины соответствуют международным стандартам безопасности и эффективности. Уже сегодня для правительств многих стран самым быстрым способом обеспечить своё население вакцинами являются поставки из Китая. Поэтому, скорее всего, его доля в глобальном экспорте вакцин (напомним, что на 31 декабря 2021 г. она составляла 35,9%) будет и дальше расти. При этом основная ставка по вполне понятным причинам сделана на развивающиеся страны, что доказывают заявления китайского руководства.

В мае 2020 г. председатель КНР Си Цзиньпин в своём выступлении на открытии 73-й ежегодной сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения дал обещание, что Китай сделает свои вакцины глобальным общественным благом, а также выделит в течение ближайших двух лет 2 млрд долл. на борьбу с коронавирусом и поддержку пострадавших от эпидемии стран, в первую очередь развивающихся¹⁹. В декабре того же года министр иностранных дел КНР Ван И в своём выступлении на специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН вновь подтвердил позицию китайского руководства о том, что вакцины должны быть глобальным общественным благом²⁰. 29 ноября 2021 г. Си Цзиньпин на церемонии открытия Восьмой министерской конференции в рамках Форума

¹⁷ Keynote Speech by Xi Jinping at the Opening Ceremony of the Fourth China International Import Expo. *China International Import Expo*. 04.11.2021. URL: <https://www.ciie.org/zh/en/news/highlights/20211104/30424.html> (accessed 5.10.2022)

¹⁸ Gave Signs Agreements with Sinopharm and Sinovac for Immediate Supply to COVAX. *Gavi, the Vaccine Alliance*. 12.07.2021. URL: <https://www.gavi.org/news/media-room/gavi-signs-agreements-sinopharm-and-sinovac-immediate-supply-covax> (accessed 5.10.2022).

¹⁹ Speech by President Xi Jinping at Opening of 73rd World Health Assembly. *Xinhua*. 18.05.2020. URL: http://xinhuanet.com/english/2020-05/18/c_139067018.htm (accessed 5.10.2022).

²⁰ Reinforce Global Cooperation with Renewed Solidarity to Defeat COVID-19. *Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China*. 04.12.2020. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/zjyh_665391/202012/t20201204_678950.html (accessed 5.10.2022).

сотрудничества Китай – Африка заявил о готовности предоставить дополнительно 1 млрд доз вакцин, в том числе 600 млн в качестве пожертвования и 400 млн – посредством совместного производства китайских компаний и соответствующих африканских стран²¹. 30 декабря 2021 г. Ван И дал развёрнутое интервью китайскому информационному агентству «Синьхуа». В своём выступлении глава китайского МИД осудил «вакцинный национализм»²² и заявил о готовности Китая поставлять вакцины развивающимся странам в соответствии со своей ролью ответственной мировой державы. По его словам, уже сегодня одна из каждых двух вакцин, вводимых по всему миру, производится в КНР. На 26 декабря Китай поставил свыше 2 млрд доз более чем 120 странам и международным организациям. Помимо этого, китайские фармацевтические компании запустили совместное производство вакцин с 20 странами²³.

Подобная активизация медицинского и вакцинного направлений во внешнеполитическом курсе КНР вызывает опасения на Западе. Более того, в США практически с самого начала пандемии звучат обвинения в адрес Китая за «развязывание этой чумы в мире» (именно такую формулировку использовал Д. Трамп в своём последнем выступлении в качестве президента США на 75-й сессии ГА ООН²⁴). Эксперты американского Совета по международным отношениям утверждают, что мероприятия в области здравоохранения становятся новым знаменем внешней политики Китая, призванным смягчить мнение мировой общественности о нём как месте происхождения нового коронавируса, а «искупительные» проявления помощи используются для компенсации причиненного вреда²⁵. В конце 2020 г. в журнале *Foreign Affairs* была опубликована статья, авторы которой утверждали, что Китай постарается искупить свою вину за счёт вакцинации значительной части населения Земли, выступая «покровителем» и «поставщиком» здоровья в глобальных масштабах, а также «спасителем» развивающегося мира²⁶.

²¹ Xi Announces Supplying Africa with Additional 1 bln COVID-19 Vaccine Doses, Pledges to Jointly Implement Nine Programs. *Xinhua*. 30.11.2021. URL: http://www.news.cn/english/2021-11/30/c_1310341310.htm (accessed 5.10.2022).

²² Понятие «вакцинный национализм» (vaccine nationalism) – стремление государств сначала полностью обеспечить вакцинами собственное население – всё чаще встречается в политическом лексиконе. Очевидно, что министр иностранных дел КНР имеет в виду, прежде всего, США, которые неоднократно подчёркивали, что их приоритетная задача – обеспечение вакцинами американцев.

²³ State Councilor and Foreign Minister Wang Yi Gives Interview to Xinhua News Agency and China Media Group on International Situation and China's Diplomacy in 2021. *Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China*. 30.12.2021. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/202112/t20211230_10477324.html (accessed 5.10.2022).

²⁴ Donald Trump Speech 2020 UN General Assembly. *Rev.com*. 22.09.2020. URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-speech-2020-un-general-assembly-transcript> (accessed 5.10.2022).

²⁵ Lancaster K., Rubin M., Rapp-Hooper M. 2020. Mapping China's Health Silk Road. *Council on Foreign Relations*. 10.04.2020. URL: <https://www.cfr.org/blog/mapping-chinas-health-silk-road> (accessed 5.10.2022).

²⁶ Freymann F., Stebbing J. 2020. China Is Winning the Vaccine Race. How Beijing Positioned Itself as the Savior of the Developing World. *Foreign Affairs*. 05.11.2020. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-11-05/china-winning-vaccine-race> (accessed 5.10.2022).

Эксперты американского аналитического Центра стратегических и международных исследований (CSIS) заявляют, что Китай взаимодействует с другими странами преимущественно на двусторонней основе. Лишь небольшая доля китайского экспорта вакцин выделяется посредством многосторонних механизмов, а предоставляемая помощь часто сопровождается «обязательными условиями», включая публичное выражение благодарности Пекину и поддержку его внешней политики. При этом подавляющее число проявлений такой «помощи» осуществляется в виде коммерческих продаж, а не пожертвований²⁷.

Схожие обвинения звучат со стороны европейцев. В начале пандемии верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ж. Боррель заявил, что идёт борьба за влияние посредством «политики щедрости»²⁸. Из контекста понятно, что имеется в виду Китай, который, по словам европейского политика, агрессивно продвигает идею о том, что он является ответственным и надежным партнером в отличие от США²⁹. Британская *The Sunday Times* пишет, что потенциальная сверхдержава непреднамеренно развязала худшую глобальную катастрофу со времен Второй мировой войны, а сейчас стремится восстановить международный престиж, предлагая бесплатно иммунизировать миллионы людей по всему миру³⁰. Более жёстко высказывается швейцарская газета *Tages-Anzeiger*: посредством вакцинной стратегии КНР планирует переиначить историю пандемии и создать за пределами Европы систему зависимостей и долгов. Также звучит предупреждение, что если Запад не разработает «альтернативу глобальным инициативам Китая в сфере вакцинации – с честными условиями и без политических обязательств», то в скором времени основная часть мира окажется в зависимости от Пекина, который использует кризис и слабость других, чтобы установить новый мировой порядок³¹.

²⁷ Is China's Covid-19 Diplomacy Succeeding? *The Center for Strategic and International Studies*. URL: <https://chinapower.csis.org/china-covid-medical-vaccine-diplomacy/> (accessed 5.10.2022).

²⁸ The Coronavirus Pandemic and the New World It Is Creating. *European External Action Service*. 23.03.2020. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/76379/corona-virus-pandemic-and-new-world-it-creating_en (accessed 5.10.2022).

²⁹ При этом сам Евросоюз в тот момент подвергался крайне жёсткой критике со стороны и государств-членов, и соседей по региону. Так, президент А. Вучич, вводя в марте 2020 г. чрезвычайное положение в Сербии и комментируя запрет Брюсселя на поставки медицинского оборудования в страны, не входящие в Евросоюз, заявил, что европейская солидарность существует только на бумаге, реальную помощь в критический момент можно ждать только со стороны «сербского друга и брата» – Китая. Брюссель объяснял своё решение стремлением сохранить ресурсы внутри ЕС, однако, как показала практика, оказался не в силах помочь не только своим соседям, но и государствам-членам. Так, Европейская комиссия направила всем государствам-участникам запрос Рима о поставках медицинского оборудования, однако ответа не последовало. Посол Италии в Брюсселе М. Массари обвинил Евросоюз в бездействии и подчеркнул, что первым на призыв о помощи откликнулся Китай.

³⁰ China Embarks on Campaign of Covid Vaccine Diplomacy. *The Times*. 15.12.2020. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/china-embarks-on-campaign-of-covid-vaccine-diplomacy-2739zdrnd> (accessed 5.10.2022).

³¹ Цит. по: Как Китай использует коронавирус для своих планов по завоеванию мирового господства. *Inopressa: Иностранная пресса о событиях в России и в мире*. 26.11.2021. URL: <https://www.inopressa.ru/article/12Nov2020/tag-esanzeiger/china.html> (дата обращения: 5.10.2022).

Китай же увязывает свою медицинскую дипломатию в целом и вакцинную дипломатию в частности с концепцией сообщества единой судьбы человечества, подчёркивая, что вирус не имеет границ. Мы не являемся сторонниками подхода «кто контролирует вакцину, тот правит миром» (именно под таким заголовком вышла одна из статей в немецком журнале *Der Spiegel*), однако нельзя отрицать, что формирующийся сегодня рынок вакцин будет в значительной степени определять структуру постковидного мира (особенно в контексте прогнозов о вступлении человечества в «эпоху пандемий»). Что же касается вакцинной дипломатии, то мы согласимся с мнением директора Московского центра Карнеги Д.В. Тренина, который в интервью *Der Spiegel* заявил, что в условиях пандемии некоторые страны получают возможность добиться признания в качестве производителей общественных благ и тем самым получить больше влияния, чем они завоевывали в XX столетии с помощью идеологий³².

* * *

Проведённое исследование позволило получить ряд результатов, среди которых наиболее важными представляются следующие:

- систематизированы научные работы по медицинской и вакцинной дипломатии, выделены рассматриваемые в них проблемы;
- обосновано разграничение понятий «медицинская дипломатия» и «глобальная медицинская дипломатия», что позволило выстроить концептуальную основу исследования;
- даны определения медицинской и вакцинной дипломатии;
- выявлены отличительные особенности вакцинной дипломатии и формирующегося рынка вакцин;
- рассмотрена вакцинная дипломатия КНР и отношение к ней на Западе.

Обобщая полученные результаты, представим собственное видение исследовательского вопроса.

Способность государства защитить здоровье своих граждан, взять под контроль распространение эпидемии на собственной территории, оказать в случае необходимости медицинскую помощь в надлежащем объёме и качестве входит в число значимых критериев оценки эффективности проводимой политики. Здесь мы согласимся с утверждением профессора Оксфордского университета Т. Хейла: вирус атакует человеческое тело, но именно политическое тело в значительной степени защищает нас от него³³. В этой связи наличие собствен-

³² Wer den Impfstoff kontrolliert, regiert die Welt. *Spiegel Ausland*. 22.11.2020. URL: <https://www.spiegel.de/ausland/corona-impfstoff-verteilung-das-menschheitsprojekt-a-00000000-0002-0001-0000-000174103643> (accessed 5.10.2022).

³³ Hale T. 2020. An Immune System for the Body Politic: Using Social Science to Control COVID-19. *Blavatnik School of Government, University of Oxford*. 09.07.2020. URL: <https://www.bsg.ox.ac.uk/blog/immune-system-body-politic-using-social-science-control-covid-19> (accessed 5.10.2022).

ной индустрии вакцин – важный элемент системы национальной безопасности. Одновременно наблюдается существенное повышение роли здравоохранения во внешней политике: некоторые государства, располагающие необходимыми ресурсами, начинают использовать медицинскую и вакцинную дипломатию как средство реализации национальных интересов, достижения внешнеполитических целей и расширения влияния на мировой арене.

В начале пандемии многие эксперты заявляли, что основными конкурентами в данной сфере будут США и КНР. Так, С. Мун, содиректор Центра глобального здравоохранения Женевского института международных отношений и развития, в статье, опубликованной в июне 2020 г., писала, что именно эти страны находятся в наиболее выгодном положении для разработки и массового производства вакцин против COVID-19³⁴. Однако цифры, приведённые нами в предыдущих разделах, наглядно показывают, что реального американо-китайского противостояния нет ни на рынке вакцин, ни в их использовании в дипломатических целях. С одной стороны, это обусловлено тем, что США до сих пор не могут взять под контроль эпидемию на своей территории, возглавляя на протяжении практически всей пандемии антирейтинги и по количеству подтверждённых случаев заболевания, и по количеству смертей³⁵. Первоочередной задачей американского правительства остаётся вакцинирование собственных граждан, что уже называют американским неоизоляционизмом³⁶ и даже «вакцинным национализмом». К тому же необходимо учитывать, что в США в отличие от Китая (и России) права на те вакцины, которые сейчас находятся в гражданском обороте, принадлежат частным фармацевтическим компаниям, которых интересует прибыль, а не дипломатия. В мае 2021 г. Белый дом поддержал идею временно отказаться от прав интеллектуальной собственности на вакцины³⁷ (ранее о необходимости подобного шага говорили представители ВОЗ и ВТО, ряда стран и международных неправительственных организаций). Однако это предложение американского руководства не встретило поддержки ни у собственных производителей, ни у европейцев. К тому же, как отмечают учёные³⁸, производство вакцин (особенно РНК-вакцин или вакцин на основе

³⁴ Moon S. 2020. The Vaccine Race: Will Public Health Prevail over Geopolitics? *Global Challenges*. Special Issue 1. URL: https://globalchallenges.ch/issue/special_1/ (accessed 5.10.2022).

³⁵ Согласно официальным данным, в США на 28 февраля 2022 г. зарегистрировано 78 186 539 случаев заболевания и 939 950 смертей. Для сравнения в КНР эти показатели составляют 301 154 и 6 148 соответственно. См.: WHO coronavirus (COVID-19) dashboard. *World Health Organization*. URL: <https://covid19.who.int/> (accessed 5.10.2022).

³⁶ См., например: Manfredi-Sánchez J.L. 2022. Vaccine (Public) Diplomacy: Legitimacy Narratives in the Pandemic Age. *Place Branding and Public Diplomacy*. 02.02.2022. DOI: 10.1057/s41254-022-00258-2 (accessed 5.10.2022).

³⁷ Statement from Ambassador Katherine Tai on the Covid-19 TRIPS Waiver. *The Office of the United States Trade Representative*. 05.05.2021. URL: <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/press-releases/2021/may/statement-ambassador-katherine-tai-covid-19-trips-waiver> (accessed 5.10.2022).

³⁸ См., например: Для производства вакцины нужен не только патент. Мнения: Питер Хотес, Мария Елена Боттацци, Прашант Ядав. *Россия в глобальной политике*. 15.07.2021. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/vakcziny-ne-tojko-patent/> (дата обращения: 5.10.2022).

аденовирусного вектора) это не только вопрос патентов, данную сферу отличают высокие показатели научно-, трудо- и капиталоемкости: нужны продвинутые технологии, соответствующая инфраструктура, специалисты, соблюдение целого ряда регуляторных требований и т.д.

На наш взгляд, отсутствие реальной конкуренции в вакцинной дипломатии между США и КНР отражает общую тенденцию давно наметившихся геополитических сдвигов на мировой арене. Здесь можно вспомнить, например, экспертный опрос, проведенный в марте 2020 г. американским журналом *Foreign Policy*³⁹. В нём приняли участие 12 известных специалистов-международников, ответивших на вопрос, каким станет мир после пандемии. Многие из них тогда заявили, что ускорится давно наметившийся процесс ослабления Запада, прежде всего США, и усиления Востока, в первую очередь КНР. Сегодня мы действительно это наблюдаем, а китайское правительство даёт понять, что готово возглавить борьбу с COVID-19 без необходимости обращения к механизмам глобального управления (в том варианте, каком их привыкли воспринимать на Западе).

Скорее конкурентом Китая в вакцинной дипломатии на региональном уровне может выступить его давний геополитический соперник – Индия. Она начала экспорт вакцин от коронавируса в январе 2021 г. и пока занимает четвертое место в мире по этому показателю (на 31 декабря 2021 г. – 2,4% от общемировых поставок). Следует отметить, что в присутствии Индии на глобальном рынке вакцин нет ничего удивительного, её давно называют «аптекой мира» (*pharmacy of the world*), однако в этот раз индийское правительство явно нацелено на то, чтобы извлечь из экспорта вакцин геополитические дивиденды, укрепляя репутацию поставщика доступных вакцин и тем самым бросая вызов «вакцинному доминированию» КНР в Южной и Юго-Восточной Азии. Об этом, в частности, свидетельствует гуманитарная инициатива «Вакцина Майтри» (*Maitri* в переводе с санскрита означает «благожелательность, милосердие, дружелюбие») для безвозмездного обеспечения вакцинами стран с низким уровнем дохода. По данным МИД Индии от 21 февраля 2022 г., в рамках данной инициативы передано почти 14,3 млн доз, основная часть которых (8,1 млн) отправлена в Бангладеш, Мьянму и Непал. Следует отметить, что на эти же страны приходится значительная часть коммерческих поставок (в общей сложности, с учётом поставок Индии по программе COVAX, им передано более 53 млн доз, что составляет почти 30% всего индийского экспорта вакцин)⁴⁰.

³⁹ How the World Will Look after the Coronavirus Pandemic. The Pandemic Will Change the World Forever. We Asked 12 Leading Global Thinkers for Their Predictions. *Foreign Policy*. 20.03.2020. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/03/20/world-order-after-coronavirus-pandemic/> (accessed 5.10.2022).

⁴⁰ Vaccine Supply. *Ministry of External Affairs, Government of India*. URL: <https://www.mea.gov.in/vaccine-supply.htm> (accessed 5.10.2022).

Показательно, что и Китай, и Индия стремятся выстраивать свою медицинскую дипломатию с опорой на культурный фундамент, поэтому некоторые авторы анализируют их действия в рамках концепции «мягкой силы». На наш же взгляд, из всех видов медицинской дипломатии «дипломатия через иглу» в наименьшей степени соответствует классическому пониманию данного концепта как способности добиваться желаемых политических результатов путём привлечения, а не принуждения. Вакцины из элемента гуманитарной помощи могут легко стать инструментом манипуляций и давления на других акторов международных отношений, что потенциально ставит под угрозу жизнь и здоровье огромного количества людей.

Безусловно, ситуацию с вакцинами нельзя сводить к геополитической игре. Есть фактор, который во многом будет определять дальнейшее развитие ситуации: сегодня идёт активное формирование глобального рынка вакцин, где между собой конкурируют различные участники, руководствующиеся в своих действиях экономическими интересами. Прежде всего, это фармацевтические гиганты, для которых сложившаяся ситуация исторически уникальна. Не секрет, что раньше производство вакцин характеризовалось низкой маржинальностью по сравнению с продажами лечебных препаратов. Так, в 2019 г. мировой рынок вакцин оценивался в 33 млрд долл. (2% от общего объёма фармацевтического рынка)⁴¹. В условиях пандемии огромные финансовые потоки направляются именно в эту сферу, что укрепляет потенциал роста. По подсчётам экспертов, в 2020 г. продажи на рынке вакцин составили около 56 млрд долл., к 2025 г. этот показатель достигнет 86 млрд⁴². В настоящее время, помимо находящихся в обороте вакцин, 143 вакцины от коронавируса проходят клинические испытания, ещё 195 находятся на стадии доклинической разработки⁴³. С одной стороны, нарастающая конкуренция обеспечит их доступность, с другой – возникают опасения, что ответ на вопрос о том, когда пандемия закончится, будет дан в результате столкновения государственных и частных, геополитических и экономических интересов.

Наконец, отметим ещё один немаловажный аспект. Медицинская дипломатия – это не только политическая практика; её фундаментом являются научные возможности страны, которая тем самым проецирует вовне свои достижения. Поэтому в определённой степени вакцинная дипломатия представляет собой воплощение мирового лидерства в научной сфере. Можно долго рассуждать на тему российских вакцин, в том числе их потенциала для развития российской

⁴¹ 2020 WHO Global Vaccine Market Report. *World Health Organization*. URL: <https://www.who.int/publications/m/item/2020-who-global-vaccine-market-report> (accessed 5.10.2022).

⁴² Vaccines Global Market Report 2021: COVID-19 Impact and Recovery to 2030 (June 2021). *Research and Markets*. URL: <https://www.researchandmarkets.com/reports/5351788/vaccines-global-market-report-2021-covid-19> (accessed 5.10.2022).

⁴³ COVID-19 Vaccine Tracker and Landscape. *World Health Organization*. URL: <https://www.who.int/publications/m/item/draft-landscape-of-covid-19-candidate-vaccines> (accessed 5.10.2022).

экономики, однако трудно отрицать тот факт, что отечественная наука в условиях пандемии COVID-19 доказала свою состоятельность и конкурентоспособность. В то же время в дипломатическом компоненте есть определённые упущения. Способствовать решению такого рода проблем могло бы создание специального департамента по медицинской дипломатии при Министерстве иностранных дел. Представляется целесообразной и подготовка специалистов в области медицинской дипломатии – «медицинских дипломатов», поскольку это направление с большой долей вероятности сохранит свою актуальность и значимость.

В настоящее время курсы по глобальной медицинской дипломатии уже читаются в некоторых зарубежных университетах. В Женевском институте международных отношений и развития это входит в программу подготовки аспирантов на протяжении последних 10 лет. На наш взгляд, подобную практику можно внедрять и в России, например, в МГИМО как ведущем вузе по подготовке специалистов-международников, причём не только для аспирантов, но и для учащихся магистратуры и бакалавриата. В перспективе стоит задуматься о полноценной подготовке «медицинских дипломатов», что возможно при разработке совместных программ медицинских факультетов и факультетов международных отношений/мировой политики. Безусловно, это трудный и длительный процесс, однако, как справедливо заметил российский политолог-международник А.А. Байков, актуализация и совершенствование образовательных программ – это вопрос не только образования, но и эффективности внешней политики (Байков 2016).

* * *

Медицинская дипломатия, несмотря на значительное число работ в зарубежном научном сегменте, долгое время оставалась на обочине науки о международных отношениях. Однако в связи с пандемией COVID-19 она становится одним из наиболее перспективных направлений научных исследований и внешнеполитической практики. В рамках настоящей статьи мы рассмотрели медицинскую и вакцинную дипломатию, основными акторами которой выступают государства, поскольку такова, по нашему мнению, сегодняшняя реальность. Однако ситуация не статична: медицинская дипломатия может и должна объединять деятельность правительственных и неправительственных, некоммерческих и коммерческих организаций, поэтому анализ потенциала негосударственных акторов важен для понимания тенденций развития медицинской дипломатии в целом и вакцинной дипломатии в частности. Представляется, что будет повышаться роль учёных в этом процессе и, соответственно, значимость научной дипломатии, прежде всего, в области вакцинологии. Это, на наш взгляд, может стать одним из способов преодоления крайне сложного периода в отношениях России и целого ряда государств.

В завершение исследования процитируем Т. Томпсона, который в 2004 г., будучи министром здравоохранения и социальных служб США, в интервью

журналу *Health Affairs* заявил: «Есть ли лучший способ разрушить ненависть, барьеры этнических и религиозных групп, которые боятся Америки и ненавидят Америку, чем предложить этим странам хорошую медицинскую политику и хорошее здоровье? Медицинская дипломатия – способ продвигать интересы Америки по всему миру»⁴⁴. Эти слова стоило бы сделать ориентиром для всех стран, прибегающих в своей внешнеполитической практике к медицинской и вакцинальной дипломатии, поскольку данные сферы напрямую затрагивают неотъемлемое право каждого человека – право на здоровье.

Об авторе:

Ирина Ильинична Арсентьева – доктор политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 620108, Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, д.16. E-mail: airen1@yandex.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 20-04-60337 «Оптимизация социально-экономических принципов регуляции современных обществ в контексте последствий коронавирусной пандемии».

UDC: 327
Received: March 2, 2022
Accepted: September 19, 2022

Transformations of Medical and Vaccine Diplomacies in the COVID-19 Era

I.I. Arsenyeva
[DOI 10.24833/2071-8160-2022-5-86-182-207](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-5-86-182-207)

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

Abstract: The pandemic has produced the global COVID-19 vaccine market with various stakeholders acting in their economic self-interest. At the same time, some governments use vaccines for pursuing national interests and expanding their international influence. Us-

⁴⁴ Interview: Advocating for Medical Diplomacy: A Conversation with Tommy G. Thompson. *Health Affairs*. 04.05.2004. URL: <https://www.healthaffairs.org/doi/10.1377/hlthaff.W4.262> (accessed 5.10.2022).

ing scientific works on the topic and documents from WHO, GAVI, WTO, IMF, government documents and think tank reports, the author analyzes vaccine diplomacy as a branch of medical diplomacy and identifies changes that occur under pandemic impact. The article examines the current policy of China, as it has achieved the most notable success in medical services export, primarily to developing countries, and Chinese pharmaceutical companies play a prominent role in the global vaccine market. It raises serious concerns of the West, which accuses Beijing of using coronacrisis to establish a new (China-centric) world order. It is concluded that government capacity to protect public health and control epidemic spread is among the significant criteria for evaluating the effectiveness of State policy, and its own vaccine industry begins to be regarded as an important element of national security. There is also a considerable increase in the role of healthcare in foreign policy of a number of States using medical and vaccine diplomacies as a means of achieving political goals. COVID-19 vaccines are becoming a strategic asset that affects the country's position on the world stage and generates a new field of geopolitical rivalry. But at the same time, vaccine diplomacy could serve as a dialogue platform in cases when interstate relations are in a deep crisis. And it may lead to awareness of the need to train specialists in the field of medical diplomacy.

Keywords: COVID-19 pandemic, medical diplomacy, global health diplomacy, vaccine diplomacy, China's vaccine diplomacy, COVID-19 vaccines, vaccine market, vaccine race, vaccine geopolitics, science diplomacy

About the author:

Irina I. Arsenyeva – Doctor of Political Science, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 16 Sofia Kovalevskaya Street, Ekaterinburg, 620108. E-mail: airen1@yandex.ru

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

Acknowledgements:

The reported study was funded by RFBR according to the research project No 20-04-60337 "Optimization of Socio-Economic Principles of Regulation of Modern Societies in the Context of the Consequences of the Coronavirus Pandemic".

References:

- Adams V., Novotny T.E., Leslie H. 2008. Global Health Diplomacy. *Medical Anthropology*. 27(4). P. 315-323. DOI: 10.1080/01459740802427067
- Almeida C. 2020. Global Health Diplomacy: A Theoretical and Analytical Review. *Oxford Research Encyclopedia of Global Public Health*. DOI: 10.1093/acrefore/9780190632366.013.25
- Blue S.A. 2010. Cuban Medical Internationalism: Domestic and International Impacts. *Journal of Latin American Geography*. 9(1). P. 31-49. DOI: 10.1353/lag.0.0071
- Bourne P. 1978. A Partnership for International Health Care. *Public Health Reports*. 93(2). P. 114-123.
- Boveja R. 2019. Multicultural Health Diplomacy: A Proposed Culturally Competent Diplomacy Model for Health Professionals. *Athens Journal of Health & Medical Sciences*. 6(1). P. 1-18. DOI: 10.30958/ajhms.6-1-1

Brown M.D., Bergmann J.N., Novotny T.E., Mackey T.K. Applied Global Health Diplomacy: Profile of Health Diplomats Accredited to the United States and Foreign Governments. *Globalization and Health*. №14. DOI: 10.1186/s12992-017-0316-7

Chang J. 2010. Taiwan's Participation in the World Health Organization: The U.S. 'Facilitator' Role. *American Foreign Policy Interests*. 32(3). P. 131-146. DOI: 1080/10803920.2010.487381

Emmerling Th., Kickbusch I., Told M. (eds.). 2016. *Global Health Diplomacy*. Vol. 4: The European Union as a Global Health Actor. World Scientific Publishing. 368 p. DOI: 10.1142/9714

Fairman D., Chigas D., McClintock E., Drager N. 2012. *Negotiating Public Health in a Globalized World. Global Health Diplomacy in Action*. New York: Springer. 200 p. DOI: 10.1007/978-94-007-2780-9

Fauci A.S. 2007. The Expanding Global Health Agenda: A Welcome Development. *Nature Medicine*. 13(10). P. 1169-1171. DOI: 10.1038/nm1646

Fazal T.M. 2020. Health Diplomacy in Pandemical Times. *International Organization*. 74(S1). P. 78-97. DOI: 10.1017/S0020818320000326

Feinsilver J. 1993. Cuban Medical Diplomacy. *Healing the Masses*. Berkeley: University of California Press. P. 156-195. DOI: 10.1525/9780520913950-011

Feinsilver J. 2010. Fifty Years of Cuba's Medical Diplomacy: From Idealism to Pragmatism. *Cuban Studies*. №41. P. 85-104. DOI: 10.1353/cub.2010.0015

Feldbaum H., Lee K., Michaud J. 2010. Global Health and Foreign Policy. *Epidemiologic Reviews*. 32(1). P. 82-92. DOI: 10.1093/epirev/mxq006

Feldbaum H., Michaud J. 2010. Health Diplomacy and the Enduring Relevance of Foreign Policy Interests. *PLoS Medicine*. 7(4). DOI: 10.1371/journal.pmed.1000226

Fidler D.P. 2013. Health Diplomacy. *The Oxford Handbook of Modern Diplomacy*. Oxford: Oxford University Press. P. 691-707. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199588862.013.0039

Fischer F. 2021. Science and the COVID-19 Recovery Fund: The Time for Public Health and International Health Diplomacy?! *Public Health in Practice*. №2. DOI: 10.1016/j.puhip.2021.100081

Fraile del Álamo V., Lim D.J. 2020. Mask Diplomacy: Shifting the COVID-19 Narrative? *China Story Yearbook 2020: Crisis*. Canberra: ANU Press. DOI: 10.22459/csy.2021.01a

Gauttam P., Singh B., Kaur J. 2020. COVID-19 and Chinese Global Health Diplomacy: Geopolitical Opportunity for China's Hegemony? *Millennial Asia*. 11(3). P. 318-340. DOI: 10.1177/0976399620959771

Halabi S., Santos Rutschman A. 2021. Viral Sovereignty, Vaccine Diplomacy, and Vaccine Nationalism: The Institutions of Global Vaccine Access (preprint research paper). *SSRN Electronic Journal*. DOI: 10.2139/ssrn.3902809 (accessed 5.10.2022).

Herington J., Lee K. 2014. The Limits of Global Health Diplomacy: Taiwan's Observer Status at the World Health Assembly. *Globalization and Health*. 10(1). DOI: 10.1186/s12992-014-0071-y

Hosseini Divkolaye N.S., Radfar M.H., Seighali F., Buckley Jr F.M. 2016. When Health Diplomacy Serves Foreign Policy: Use of Soft Power to Quell Conflict and Crises. *Disaster Medicine and Public Health Preparedness*. 10(5). P. 724-727. DOI: 10.1017/dmp.2016.31

Hotez P.J. 2001. Vaccines as Instruments of Foreign Policy. *EMBO Reports*. 2(10). P. 862-868. DOI: 10.1093/embo-reports/kve215

Hotez P.J. 2006. The "Biblical Diseases" and U.S. Vaccine Diplomacy. *The Brown Journal of World Affairs*. 12(2). P. 247-258.

Hotez P.J. 2014. "Vaccine Diplomacy": Historical Perspectives and Future Directions. *PLOS Neglected Tropical Diseases*. 8(6). P. 1-7. DOI: 10.1371/journal.pntd.0002808

- Hotez P.J. 2017. Russian-United States Vaccine Science Diplomacy: Preserving the Legacy. *PLOS Neglected Tropical Diseases*. 11(5). DOI: 10.1371/journal.pntd.0005320
- Hotez P.J. 2021. *Preventing the Next Pandemic. Vaccine Diplomacy in a Time of Anti-science*. Johns Hopkins University Press. 208 p.
- Hotez P.J., Narayan V. 2021. Restoring Vaccine Diplomacy. *JAMA*. 325(23). P. 2337-2338. DOI: 10.1001/jama.2021.7439
- Katz R., Kornblet S., Arnold G., Lief E., Fischer J.E. 2011. Defining Health Diplomacy: Changing Demands in the Era of Globalization. *Milbank Quarterly*. 89(3). P. 503-523. DOI: 10.1111/j.1468-0009.2011.00637.x
- Kazharski A., Makarychev A. 2021. Russia's Vaccine Diplomacy in Central Europe: Between a Political Campaign and a Business Project. *Mezinárodní Vztahy*. 56(4). P. 131-146. DOI: 10.32422/mv-cjir.1820
- Kevany S. 2014. Global Health Diplomacy, 'Smart Power', and the New World Order. *Global Public Health*. 9(7). P. 787-807. DOI: 10.1080/17441692.2014.921219
- Kickbusch I. 2011. Global Health Diplomacy: How Foreign Policy Can Influence Health. *British Medical Journal*. №342. DOI: 10.1136/bmj.d3154
- Kickbusch I., Lister G., Told M., Drager N. (eds.). 2013. *Global Health Diplomacy: Concepts, Issues, Actors, Instruments, Fora and Cases*. New York: Springer. DOI: 10.1007/978-1-4614-5401-4
- Kickbusch I., Nikogosian N., Kazatchkine M., Kormany M. 2021. *A Guide to Global Health Diplomacy*. Geneva: Graduate Institute of International and Development Studies. 254 p.
- Killeen O.J., Davis A., Tucker J.D., Meier B.M. 2018. Chinese Global Health Diplomacy in Africa: Opportunities and Challenges. *Global Health Governance*. 12(2). P. 4-29.
- Kirk J.M. 2009. Cuba's Medical Internationalism: Development and Rationale. *Bulletin of Latin American Research*. 28(4). P. 497-511. DOI: 10.1111/j.1470-9856.2009.00314.x
- Kobierecka A., Kobierecki M.M. 2021. Coronavirus Diplomacy: Chinese Medical Assistance and Its Diplomatic Implications. *International Politics*. 58(1). P. 937-954. DOI: 10.1057/s41311-020-00273-1
- Koh T. 2016. Medicine and Diplomacy. *Singapore Medical Journal*. 57(11). P. 641-643. DOI: 10.11622/smedj.2016176
- Kowalski B. 2021. China's Mask Diplomacy in Europe: Seeking Foreign Gratitude and Domestic Stability. *Journal of Current Chinese Affairs*. 50(2). P. 209-226. DOI: 10.1177/18681026211007147
- Lee K., Smith R. 2011. What is 'Global Health Diplomacy'? A Conceptual Review. *Global Health Governance*. 5(1). P. 1-12.
- Lee S.T. 2021. Vaccine Diplomacy: Nation Branding and China's COVID-19 Soft Power Play. *Place Branding and Public Diplomacy*. DOI: 10.1057/s41254-021-00224-4
- Low-Beer D. (ed.). 2011. Innovative Health Partnerships. The Diplomacy of Diversity. World Scientific Publishing. *Global Health Diplomacy*. Vol. 1. 600 p. DOI: 10.1142/8242
- Manfredi-Sánchez J.L. 2022. Vaccine (Public) Diplomacy: Legitimacy Narratives in the Pandemic Age. *Place Branding and Public Diplomacy*. 02.02.2022. DOI: 10.1057/s41254-022-00258-2 (accessed 25.02.2022).
- Marrogi A.J., al-Dulaimi S. 2014. Medical Diplomacy in Achieving U.S. Global Strategic Objectives. *Joint Force Quarterly*. №74. P. 124-130.
- Matlin S., Kickbusch I. (eds.). 2017. Pathways to Global Health. *Case Studies in Global Health Diplomacy*. World Scientific Publishing. *Global Health Diplomacy*. Vol. 5. 360 p. DOI: 10.1142/10140

McInnes C., Lee K., Youde K. (eds.). 2020. *The Oxford Handbook of Global Health Politics*. Oxford: Oxford University Press. 752 p. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780190456818.001.0001

Moon S. 2020. The Vaccine Race: Will Public Health Prevail over Geopolitics? *Global Challenges*. Special Issue 1. URL: https://globalchallenges.ch/issue/special_1/ (accessed 5.10.2022).

Novotny T.E., Kickbusch I., Told M. (eds.). 2013. 21st Century Global Health Diplomacy. World Scientific Publishing. *Global Health Diplomacy*. Vol. 3. 356 p. DOI: 10.1142/8178

Roskam E., Kickbusch I. (eds.) 2011. Negotiating and Navigating Global Health. Case Studies in Global Health Diplomacy. World Scientific Publishing. *Global Health Diplomacy*. Vol. 2. 464 p. DOI: 10.1142/8273

Ruckert A., Labonté R., Lencucha R., Runnels V., Gagnon M. 2016. Global Health Diplomacy: A Critical Review of the Literature. *Social Science & Medicine*. №155. P. 61-72. DOI: 10.1016/j.socscimed.2016.03.004

Rudolf M. 2021. *China's Health Diplomacy during COVID-19: The Belt and Road Initiative (BRI) in Action*. *SWP Comment*. №9. DOI: 10.18449/2021C09

Sharun Kh., Dhama K. 2021. COVID-19 Vaccine Diplomacy and Equitable Access to Vaccines Amid Ongoing Pandemic. *Archives of Medical Research*. 52(7). P. 761-763. DOI: 10.1016/j.arcmed.2021.04.006

Sharun Kh., Dhama K. 2021. India's Role in COVID-19 Vaccine Diplomacy. *Journal of Travel Medicine*. 28(7). DOI: 10.1093/jtm/taab064

Taghizade S., Chattu V.K., Jaafari-pooyan E., Kevany S. COVID-19 Pandemic as an Excellent Opportunity for Global Health Diplomacy. *Frontiers in Public Health*. №9. P. 1-9. DOI: 10.3389/fpubh.2021.655021

Telias D., Urdinez F. 2021. China's Foreign Aid Political Drivers: Lessons from a Novel Dataset of Mask Diplomacy in Latin America during the COVID-19 Pandemic. *Journal of Current Chinese Affairs*. DOI: 10.1177/18681026211020763

Urdinez F. 2021. *China's Improvised Mask Diplomacy in Chile*. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace. 37 p.

Verma R. 2020. China's 'Mask Diplomacy' to Change the COVID-19 Narrative in Europe. *Asia Europe Journal*. 18(2). P. 205-209. DOI: 10.1007/s10308-020-00576-1

Yee D. 2021. A Trojan Horse: China's Vaccine Diplomacy and the Internal Dynamics of the COVID-19 Vaccine Rollout in the Philippines. *Critical Asian Studies*. DOI: 10.52698/jjlt2807

Youde J. 2010. China's Health Diplomacy in Africa. *China: An International Journal*. 8(1). P. 151-163. DOI: 10.1142/S0219747210000099

Baykov A.A. 2016. «Zolotoj standart» podgotovki mezhdunarodnika i effektivnost' vneshnej politiki [‘Golden Standard’ in International Relations Training and the Effectiveness of Foreign Policy]. *MGIMO Review of International Relations*. 1(46). P. 70-83. DOI: 10.24833/2071-8160-2016-1-46-70-83 (In Russian)

Boreyko A.V. 2020. Evolyuciya kubinskoj medicinskoj diplomatii [The Evolution of Cuban Medical Diplomacy]. *Iberoamerican notes*. 8(4). P. 92-104. DOI: 10.46272/2409-3416-2020-8-4-92-104. (In Russian)

Demidov A.M. 2021. Medicinskaya diplomatiya kak napravlenie vneshnej politiki Kuby [Medical Diplomacy as a Direction of Cuban Foreign Policy]. *Sbornik statej kafedry mezhdunarodnyx otnoshenij, medialogii, politologii i istorii* [The Collection of Articles of the Department of International Relations, Media Education, Political Science and History]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of Economics. P. 26-37. (In Russian)

Lebedeva M.M., Kuznetsov D.A. 2021. Global'noe upravlenie v voprosax protivodejstviya biogenym ugrozam [Global Governance of Biogenic Threats]. *MGIMO Review of International Relations*. 14(2). P. 7-21. (In Russian) DOI: 10.24833/2071-8160-2021-2-77-7-21

Mikhailov L.A. 2017. Rossijskaya medicinskaya diplomatiya [Russian Medical Diplomacy]. *International Affairs*. №6. P. 140-148. (In Russian)

Torkunov A.V., Ryazantsev S.V., Levashov V.K. (eds.). 2021. *Pandemiya COVID-19: Vyzovy, posledstviya, protivodejstvie* [COVID-19 Pandemic: Challenges, Consequences, Counteraction]. Moscow: Aspect Press Ltd. 248 p. (In Russian) DOI: 10.19181/monogr.978-5-7567-1139-4.2021

Zhuravleva E.V. 2021. Medicinskaya diplomatiya kak instrument politiki «myagkoj sily» KNR [Medical Diplomacy as a Soft Power Instrument of the PRC]. *Kommunisticheskij Kitaj. Celi i zadachi k stoletnemu yubileyu KPK* [Communist China. Goals and Objectives for CPC's Centennial]. Moscow: IFES RAS. P. 224-239. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Байков А.А. 2016. «Золотой стандарт» подготовки международника и эффективность внешней политики. *Вестник МГИМО-Университета*. 1(46). С. 70-83. DOI: 10.24833/2071-8160-2016-1-46-70-83

Борейко А.В. 2020. Эволюция кубинской медицинской дипломатии. *Иberoамериканские тетради*. 8(4). С. 92-104. DOI: 10.46272/2409-3416-2020-8-4-92-104

Демидов А.М. 2021. Медицинская дипломатия как направление внешней политики Кубы. *Сборник статей кафедры международных отношений, медиалогии, политологии и истории*. Санкт-Петербург: СПбГЭУ. С. 26-37.

Журавлёва Е.В. 2021. Медицинская дипломатия как инструмент политики «мягкой силы» КНР. *Коммунистический Китай. Цели и задачи к столетнему юбилею КПК*. Москва: ИДВ РАН. С. 224-239.

Лебедева М.М., Кузнецов Д.А. 2021. Глобальное управление в вопросах противодействия биогенным угрозам. *Вестник МГИМО-Университета*. 14(2). С. 7-21. DOI: 10.24833/2071-8160-2021-2-77-7-21

Михайлов Л.А. 2017. Российская медицинская дипломатия. *Международная жизнь*. №6. С. 140-148.

Торкунов А.В., Рязанцев С.В., Левашов В.К. (ред.). 2021. *Пандемия COVID-19: Вызовы, последствия, противодействие*. Москва: Аспект Пресс. 248 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-7567-1139-4.2021